

КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ – ПАМЯТЬ

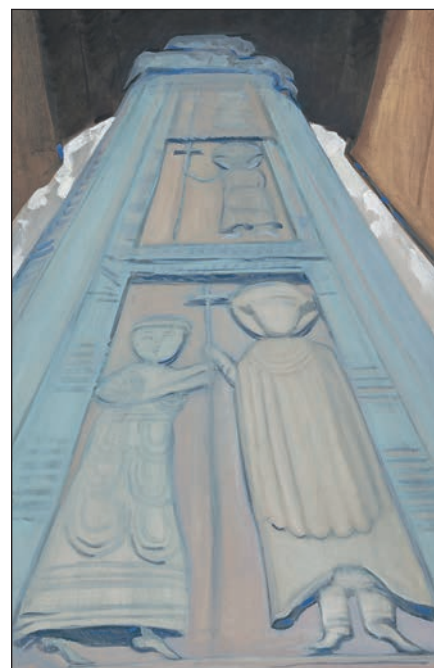
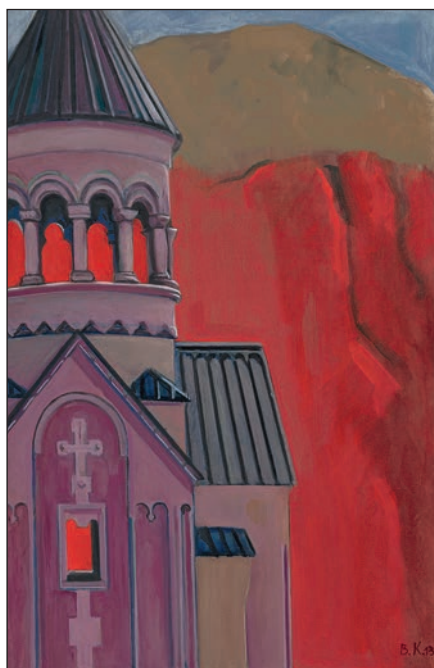
Как часто мы скорбим и сожалеем о рано прервавшейся жизни творческого человека и стараемся успокоить себя ощутимыми результатами его труда, его счастливыми мгновениями в искусстве! Автор драматических пейзажей Федор Васильев умер в 23 года. Композитор Перголези успел застолбить новый жанр – оперу-буфф и ушел в 26. Великий Лермонтов оставил целый материк поэзии, прозы, драматургии, не дожив до 28 лет. Эгона Шиле унесла «испанка» в 28, но вереница его болезненных образов осталась во времени. Судьба подарила Моцарту 35 лет, но он сделал в музыке столько, сколько хватило бы на три жизни упорных трудов. Столько же было отмерено поэту Тьерью, автору «Страны Наири». По сути, 35 лет в современной художественной жизни – это рубеж молодежного возраста, после которого начинается зрелость, а в перспективе маячит старость...

У трагически погибшего художника Вигена Киракосяна не будет уже ни зрелости, ни старости, он навсегда останется в молодежном возрасте с его пробами и ошибками, с его надеждами и призрачными прогнозами будущего пути. Виген еще один несбывшийся поэт «Страны Наири», принесший ей в дар свою посылную лепту. Пусть вклад его в искусство несопоставим с его предшественниками, помянутыми выше, но у него тоже есть своя творческая биография, пусть несколько сумбурная и неупорядоченная, – ведь в наше требовательное и пристрастное к творческой личности время хорошее профессиональное образование часто занимает до десяти лет. Вигену повезло с учебой и учителями, с родителями и семьей, с друзьями и тем внешним контекстом, в котором протекала его активная внутренняя жизнь. А его главным везением было то, что он рано осознал себя художником и никем другим, он умел совмещать необходимый учебный процесс с решительными попытками индивидуального творческого развития.

Учебная история Вигена оказалась извилистой и насыщенной. Во многом потому, что жизнь его семьи

требовала переездов в поисках нормальной обстановки для жизни и работы. В 1989–1997-е переломные годы семья тревожно пребывала между Москвой и Тбилиси. В грузинской столице Виген учился в армянской школе. Но вскоре из-за обострившихся националистических отношений семье пришлось переехать в Ереван, здесь в 2006 году юноша окончил среднюю школу. Два года после этого учился в Ереванском университете архитектуры и строительства на факультете архитектуры и дизайна. Случайным ли был выбор творческой профессии, и повлияла ли на этот выбор семья? Безусловно, да. Ведь родители Вигена – состоявшиеся, высокого потенциала художники Ашот Киракосян и православная кореянка Мира – оба окончили Суриковский институт, универсальную и прочную школу которого предстояло пройти и их талантливому сыну. Но до этого ему еще предстояло учиться переводом в МАРХИ и окончить подготовительные курсы при МГАХИ (2009–2010).

Детство и юность будущего художника прошли в интернациональной среде, и он легко обучился языкам, в итоге знал родной армянский, русский, грузинский, изучал английский, фарси. Вообще, армянская тема, национальная составляющая его творчества, историческая память предков жили и крепили в нем уже в институтские годы. И свое гражданское и эстетическое кредо начинающий художник внятно озвучил на защите диплома перед высокой профессиональной аудиторией. Значительность этого личного высказывания требует хотя бы частичного цитирования: «Меня всегда привлекала тема древности – старые города, историческая архитектура, дух и колорит старины. После III курса я проходил свободную практику, ездил по Армении, где впервые увидел храм Ахтала (Пресвятой Богородицы), тогда и решил, что сделаю это темой диплома... Я попытался передать ощущения от увиденного: как яркий свет, пробиваясь сквозь купол, мерцает на древних росписях XIII века, как вибрирует и переливается... Мне хотелось показать аскетичность средневековой архитектуры сквозь

призму современной живописи. Собрать воедино всё, что меня волновало, создать некий синтез строгих форм и живых линий... Учеба в Суриковском институте помогла в этой задаче, я благодарен всем педагогам, начиная с Сергея Николаевича Шильникова». В 2016-м Виген защитил диплом с отличием в мастерской Айдан Салаховой и в этом же году был принят в Московский Союз художников. Он представлял собой после института личность профессионально оснащённую, во всеоружии знаний, позволяющих хорошо разбираться и действовать в живописи, скульптуре, реставрации, технологии материалов, истории искусств и, конечно, в архитектуре. Неслучайно его привлекли еще и к преподаванию: в течение года Виген работал в хорошо знакомом Ереванском университете, вёл рисунок и живопись.

И малый и большой дипломы Вигена Киракосяна отчетливо и последовательно базировались на одном ключевом понятии: память. Это касалось и всей предварительной работы, натурных этюдов и эскизов, оперативных поездок и попутных исследований. Название этим живописным композициям в форме триптиха автор дал соответствующее: «Память». Оно объединяло богатые впечатления от храмов армянской апостольской церкви. Наиболее ярким из них было тесное знакомство с памятником XIII века – монастырем «Нораванк». Это величественное храмовое зодчество с его иконописными образами, сводом-плафоном, филигранным декором и рельефной символикой дало полноценное художественное решение обобщенного образа в форме триптиха, часть которого закрепила личное отношение автора к этой сакральной теме. В виде монументального григорианского креста художник мастерски стилизовал подарок любимого деда Ладо – нателный крестик. И ещё, возможно, молодой человек знал древнюю легенду Нораванка, по которой где-то в тайниках «Нового монастыря» хранится обломок исторического креста, окрапленный христовой кровью. Немного не дожив до возраста Христа, поскольку родился в 1989 году, Виген накрепко связал себя с краеугольной темой искусства, с ее тысячелетней историей.

Тема эта была не единственной в его короткой творческой жизни. Даже рассматривая его постановочные композиции с обнаженной моделью, можно найти в них очевидные профессиональные достоинства, начатки будущего индивидуального стиля. Например, то, как он любил составлять целое из отдельных частей, способствуя монументальности образа. Или как умел в нужном месте и по тонкому наитию обрезать холст, не нарушая общего композиционного решения, что находило положительную оценку у Айдан Салаховой. Или специально оставлял незакрашенной часть холста, и эта «пустота» не была результатом нерадивости и небрежности, а работала на общий замысел выразительности, фактуры, лаконичной цветовой гармонии и композиционного ритма. Чеканные обнаженные фигуры на фоне пластично выполненных драпировок и тканей дают ощущение не просто натурной физиологии, но тонкого образного воплощения, присутствия любопытных художественных смыслов.

Виген свободно обращался с нужными техниками и материалами – работал маслом, темперой, акварелью, акрилом, применял текстурную

пасту (для рельефного покрытия) и поталь (имитируя блеск или позолоту). Последние три компонента он использовал в очень своеобразной серии «растительных акантов». Художник продуманно тонировал фанерные листы квадратной формы. И на красном, черном или желтом фоне возникали магические трилистники клена, конопля, гинкго в разных вариациях красочного рельефа – высокого, среднего, углубленного. В этом монотонном творческом бдении ощущались какая-то завроженность, пристрастность к универсальному флористическому мотиву, стремление выстроить сокровенную матрицу растительного образа. А чисто зрительно эта серия звучала как «Болеро» Равеля, увлекая эффектом бесконечного повтора, очарованием живописного музицирования. Это напоминало аналогичную работу отца – Ашота Киракосяна в портретировании любимых деревьев и необыкновенных раковин. Да, для сына отец был непререкаемым авторитетом и учителем. Он высоко ценил произведения отца и с сыновним максимализмом протестовал, когда приходилось их продавать.

Очевидно, в дальнейшем Виген пошел бы по пути большой сюжетной картины с элементами «сюра» и пластического гротеска. На эту мысль наталкивает его холст крупного формата с застывшими в сталистом сумраке вагонами – завершённый по идее и форме урбанистический пейзаж очень современного, беспокойного и отчужденного характера. Возможно, в творчестве Виген был несколько медлителен и самопогружен, как будто сосредоточенно накапливал необходимую энергию для будущего скачка. А в жизни его очень любили друзья, и он отвечал им открытостью и щедростью души. Вспоминают, что в художнике зарождалась коллекционерская жилка: он собирал пишущие ручки, зажигалки, различные монеты...

Еще много трогательного, неповторимого, сущностного можно вспомнить о незабвенном Вигене. И даже попытаться отрешиться от скорбного чувства ясным сознанием того, что, работая под девизом национальной памяти, художник сделал нечто заметное и для сохранения своей личной памяти. Несмотря на быстротекущее время и общую экзистенциальную обреченность человека.

Н. ИВАНОВ

